

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ: КАК РАБОТАЕТ ТЕКСТ

Цикл «Реплики»

АРХАИЗАЦИЯ: ПОВОРОТ ВСПЯТЬ ИЛИ МОБИЛИЗАЦИЯ К БУДУЩЕМУ?*

**Участники: А.Г. Глинчикова, М.Т. Степанянц
Организатор проекта и ведущая – Ю.В. Синеокая**

Глинчикова Алла Григорьевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; профессор. Московский Педагогический Государственный Университет. Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88; e-mail: alla.glinchikova@gmail.com

Синеокая Юлия Вадимовна – доктор философских наук, профессор РАН, заведующая сектором истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Степанянц Мариэтта Тиграновна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: marietta_35@mail.ru

Центральным вопросом дискуссии является феномен возвращения к традиции в современном политическом процессе. На смену увлечению глобализацией приходит эпоха нового традиционализма. Если в прошлом архаичность в политике проявлялась на локальном уровне, то в современном политическом пространстве она становится глобальным трендом, поскольку вызвана одновременно внутривнутриполитическими и глобальными причинами. Что стоит за этой тенденцией, к чему она ведет и как к ней относиться? Неизбежно ли «возвращение к корням» влечет за собой политические конфликты или возможен такой вариант «возвращения к корням», который, напротив, позволит выйти на какой-то новый уровень межрелигиозного, межкультурного диалога? Правомерно ли отождествление «глобального» с «западным»? Что общего и в чем различия в возвращении к традиционным ценностям на Западе, в России и в таких странах, как Индия и Иран? Каковы возможные критерии архаизации и модернизации? Участники дискуссии на материале России, Запада, Индии, Ирана приходят к выводу о том, что в целом можно выделить три варианта ответа на вопрос, к чему ведет архаизация, что за ней стоит и как относиться к традиции. Первый – превратить традицию в музейный экспонат, в основание для мумификации отживших политических отношений, в сакральный компонент социальной жизни. Второй вариант – это глубинное разочарование и отказ от основополагающей традиции западного общества, от рациональной модели Модерна, от всякой универсальности, вариант постмодернизма.

* Выступление М.Т. Степанянц подготовлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-03-00108), выступление А.Г. Глинчиковой при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00644 «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе»).

И, наконец, третий, к которому склоняются участники диалога, – использовать традицию как точку, от которой отгалкиваешься и движешься вперед, как то, на что можно опереться для дальнейшего развития и межкультурного диалога.

Ключевые слова: архаизация, глобализация, модернизация, ценности, институты, религия, старообрядчество, Реформация, национализм, традиции

Ю.В. Синеокая. Дорогие коллеги, сегодняшняя наша беседа из цикла «Реплики», совместного проекта Института философии РАН и Московской городской библиотеки им. Достоевского «Анатомия философии», посвящена острой дискуссионной, как в нашей стране, так и за ее пределами, теме – архаизации, наблюдаемой в идеологических, социальных и политических процессах. В современном мире модернизация и архаизация идут параллельно. Поворот к архаизации был обусловлен в конце XIX – первой половине XX века ослаблением колониальной зависимости и формированием национальных государств и усугублен кризисом глобалистской модели модернизации. Широкое обращение общественного внимания к прошлому (поиск истоков, корней, утраченных ценностей) обычно сопутствует временам выбора сообществом новых путей своего становления, периодам формирования новой идентичности. Иногда эти процессы способствуют преодолению стагнации, я имею в виду тенденции, наблюдаемые со второй половины прошлого века в трех основных макроцивилизационных незападных регионах: китайском, арабо-мусульманском, индийском, где очевиден ренессанс национальных, этнических, архаических ценностей. Однако поиск национальных моделей модернизации и национальных идентичностей, обуславливающий обращение к идеологической архаике, которая нередко может способствовать мобилизации в общенациональном масштабе, далеко не всегда позитивен, поскольку чреват националистической и идеологической нетерпимостью, шовинизмом, ксенофобией. Архаизм в политике грозит утверждением диктаторских режимов, архаизация экономики может обернуться препятствием на пути внедрения новых способов производства и современных технологий.

Я рада, что в обсуждении этих непростых проблем согласились принять участие известные философы – профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН Мариэтта Тиграновна Степанянц и доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Московского государственного педагогического университета Алла Григорьевна Глинчикова.

М.Т. Степанянц. Прежде всего, позвольте выразить благодарность за приглашение участвовать в проекте, о котором я слышана и который считаю чрезвычайно интересным. Проект расширяет круг тех, кто не безразличен к философским занятиям и ощущает потребность в глубинном понимании как теоретических, так и практических жизненных проблем. Тема, выбранная для встречи, несомненно, актуальна, несмотря на то, что речь пойдет об архаизации.

Термин «архаизация» чаще всего используется в искусстве и литературе. В искусстве он означает подражание стилю, приемам мастеров прошедших эпох. В художественной литературе и поэзии – это вид стилизации, воссоздающий отдельные черты языка и стиля прошлого для передачи колорита изображаемой в произведении эпохи. Мы же хотим обратить ваше внимание на то, как проявляется архаичность в политическом пространстве.

В политологии использование понятия «архаизация» участилось в последние годы, хотя идеологические направления, к которым его применение вполне оправдано, наблюдались и ранее. Правда, вместо термина «архаизация» было и остается принятым использовать термины «традиционализм», «фундаментализм», «возрожденчество», «политический исламизм», «радикальный индуизм» и т. п.

Феномен архаизации в современном мире вызван как внутривнутриполитическими проблемами, так и внешнеполитическими, а именно глобализацией. Примечательно, что сам термин «глобализация» появился в 70-х гг. XX в. и использовался преимущественно в отношении новых тенденций в экономике. В конце 80-х архаизация проявила себя в политическом плане, т. е. фактически раньше, чем политологи заговорили об архаичности в политике. Возможно, вам покажется странным, но это произошло в связи с антишахской революцией 1978–1979 гг. в Иране.

Случилось так, что в течение шести лет я работала в Институте исламских исследований при университете Макгилла (Канада), который считался тогда самым крупным исламоведческим центром в Северной Америке. Поразительно, но для всех сотрудников революционные события в Иране оказались совершенно неожиданными, несмотря на то, что Институт имел филиал в Тегеране и поддерживал с иранцами самые тесные связи. Революции не ожидали и дипломаты, что следовало из обсуждений тех, кто был аккредитован в Канаде. Все были единодушны в оценке событий, считая их возвратом к средневековью, которое растянется не менее чем на полвека.

При оценке причин происшедшего внимание обращалось исключительно на иранские проблемы, преимущественно связанные с ускоренной модернизацией без учета настроений населения, традиционных ценностей, идеалов. Вина возлагалась на Шаха и его окружение, с одной стороны, и на шиитское духовенство, с другой.

Коррективы в свои собственные размышления об иранской революции я внесла после короткого, но тем не менее впечатляющего недельного пребывания в Иране в связи с празднованием в январе 1989 г. десятилетней годовщины Революции. Я дважды слышала председателя меджлиса Ирана Рафсанджани, который спустя несколько месяцев был избран президентом страны. Его пафосные речи сопровождались выкрикиваемыми сначала им, а затем многотысячными митингующими лозунгами «Смерть Америке!» и «Смерть Советскому Союзу!». Справедливости ради, следует тем не менее признать, что США и СССР не ставились в один ряд. Достаточно напомнить, что единственным руководителем государства, которому аятолла Хомейни направил личное, по существу примирительное письмо, был Михаил Горбачев. СССР рассматривался в качестве врага не столько из-за приверженности социализму, сколько из-за идеологии воинственного атеизма.

Запущенный иранской революцией процесс архаизации продолжает раскручиваться в широком глобальном масштабе. Это служит подтверждением тому, что помимо внутривнутриполитических причин есть общезначимые, чем и является в данном случае кризис модели глобального порядка.

Руководитель и духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи на состоявшейся 3 июля 2016 г. в Тегеране встрече со студентами заявил: «Убеденные в том, что для своего развития Ирану нужно опираться на Запад, совсем потеряли разум. Я считаю своим моральным и религиозным долгом сопротивляться этому и буду делать это до последнего вздоха»¹.

¹ *Аятолла Хаменеи. Кто опирается на Запад, потеряли разум // Iran.ru. 6 июля 2016. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/101168/Ayatolla_Hamenei_kto_opiraetsya_na_Zapad_poteryali_razum (дата обращения: 05.12.2016).*

Обращение к идее построения «исламской экономики» не есть лишь выражение верности вероучению. За этим стоят другие, не менее, а, может быть, даже более важные причины: стремление определить выбор Ирана не как модернизацию, предполагающую восприятие западной модели, а как **развитие**, предполагающее проведение социальной политики, ориентированной на поддержание малоимущих слоев населения, создание условий для развития малого и среднего бизнеса.

Задуматься над не раскрытыми ранее смыслами иранской революции меня побудили ныне происходящие в Индии процессы. По образованию я индолог. Жила в этой стране 5 лет и многократно возвращалась. Индию я люблю и «болею» за все происходящее в ней. В ноябре 2015 г. я получила приглашение из администрации Президента Индии принять участие в «Мировой индологической конференции (World Indology Conference)», мне была оказана честь председательствовать на первом пленарном заседании конференции, а также выступить с докладом. Несмотря на все оказанные почести и щедрое гостеприимство, недельное пребывание в Дели меня огорчило и смутило. Вернувшись в Москву, я окунулось в чтение индийской прессы и недавно изданных в Индии книг, желая разобраться в причинах собственного «огорчения».

На протяжении полувека в своих исследованиях, в лекциях, да и просто в беседах, я отмечала два очень важных с точки зрения современности достоинства Индии. Во-первых, то, что она представляет собой самую большую в мире демократию. И, во-вторых, это самая большая эффективно функционирующая федерация.

В 2014 г. к власти в стране пришло правительство, возглавляемое Нарендрой Модой, человеком, возвращенным в рядах ультранационалистической индусской организации, члены которой убили «отца нации» – Махатму Ганди. Как это могло произойти в Индийской республике, краеугольным камнем национальной политики которой со времени ее создания в 1947 г. был официально провозглашен секуляризм? Конституционный секуляризм предусматривал право на свободу вероисповедования, защиту от религиозной дискриминации, создание светского государства, являющегося нейтральным в отношении религий, оказывающего им помощь и принимающего их без дискриминации. Однако демократизм индийского политического устройства на протяжении почти шести десятилетий допускал сохранение индусского радикализма, предполагающего вытеснение других религий из региона, его отправной точкой была доктрина *хиндутва*. Ее идеолог М.С. Голвалкар открыто выражал ненависть к религиозным меньшинствам, прежде всего к мусульманам. Он восхищался этнической чисткой, которую проводил Гитлер. Вот буквально его слова: «Германия проявила расовую гордость в ее высшем проявлении. <...> Она также показала, как практически невозможно расам и культурам, имеющим разные корни, быть ассимилированными в одно единое целое. Это хороший урок для нас в Индии, мы должны учесть его и извлечь из него пользу»².

Если официально светское государственное устройство Индии базируется на принципе равенства конфессий и равной удаленности всех общин от власти, то хиндутва отвергает этот принцип. Партия, придерживающимся идеологии хиндутвы, удавалось дважды входить в коалиционные правительства Индии (в 1977–1980 и 1998–2004 гг.) Тем не менее было невероятным представить, что спустя более чем полвека после обретения Индией независимости федеральное правительство в стране будет сформировано на однопартийных началах индусскими радикалами.

² Golwalkar M.S. We, or Our Nationhood Defined. Nagpur, 1939. P. 35–43.

По крайней мере два фактора дают основания для тревожных ожиданий. Во-первых, теснейшая связь Н. Моди на протяжении всей жизни с индуистскими националистическими организациями, его абсолютная лояльность к их политике и практическим действиям. Во-вторых, политика, которую он проводил в течение 12 лет пребывания на посту премьер-министра штата Гуджарат, где начало его было ознаменовано кровавыми погромами. В результате столкновений погибло 1028 человек (из них мусульман – 754, индусов – 274).

Новое правительство Индии сделало девизом своего политического курса – «Развитие», противопоставив его лозунгу партии Индийского национального конгресса (ИНК) – «Равенство». Н. Моди и его партия желали подчеркнуть, что они не подвержены каким-либо влияниям извне. Их курс – не на модернизацию, которая привела бы Индию к ценностям и институтам Запада. Помните, заявляет Н. Моди, что вы индийцы, и идите вперед, следуя индийскому пути, находите способы обновить ваше прошлое по мере того, как учитесь новому.

Смыслы, вкладываемые в концепт «Развитие» в Иране и Индии, не идентичны. Но в чем проявляется их сходство, так это в использовании традиционных религиозных принципов, понятий, терминов для этической мотивации массовой поддержки власти: народ должен верить, что новая политика добродетельна по своей сути и соответствует его интересам.

Для того, чтобы усилить свои позиции, Моди занялся консолидацией индуистских националистов посредством провидения *ятр* – массовых паломничеств к святым местам, сопровождаемых процессиями из колесниц, везущих изображения тех или иных индуистских богов. Для получения массовой поддержки экономической программы Н. Моди представил ее как *панчамрут*, т. е. 5 элементов, входящих в ежедневную *пуджу* – молитву индусов. К разряду *мрут* относятся: молоко, *дахи* (простокваша, напоминающая мацони), *гхи* (топленое масло), мед и сахар. В программе развития этим пяти нектарам *пуджи* соответствуют *джал шакти* – водные ресурсы; *урджа шакти* – энергетические ресурсы; *джан шакти* – человеческие ресурсы; *гьян шакти* – сила знания, образование; *ракша шакти* – безопасность, охрана. Пять «нектаров пуджи» представлены, таким образом, как пять видов *шакти*. Шакти – это священные силы, персонифицированные женскими божествами, «супругами» мужских божеств. Пятью шакти-столпами политики развития названы: вода, энергия, люди, образование и безопасность. Это опоры фундамента, на котором может развиваться страна. Н. Моди искусно использует психологию простых индусов, формулируя экономическую программу в привычных для них понятиях и символах.

Поразительно расхождение между экономическим курсом и официально проводимой идеологией. В экономике поставлена задача на ускорение развития, позволяющее выйти на самые передовые позиции в мировой экономике. В идеологии же идет активная архаизация, игнорирование современных ценностей и институтов, которые считаются исключительно западными. Цель – провести модернизацию ускоренными темпами, по модели, соответствующей индийским (индуистским) традициям, не смущаясь авторитарностью политического режима.

Примеры Ирана и Индии позволяют предположить, что архаика выступает не как самоцель, а как мобилизационная сила в проведении модернизации без утраты национальной идентичности. Возможные результаты могут быть как положительными (рывок в ускорении экономического роста), так и отрицательными (достижение экономической мощи за счет утвер-

ждения жесткого политического режима, опирающегося на религиозный национализм). Далекое не всегда идеологический архаизм, выполняющий мобилизационную роль, как это наблюдалось, например, в гандизме, играет позитивную роль. Часто наблюдается прямо противоположный эффект – разогрев националистических страстей, архаизация экономики, которая может оказаться реальным препятствием на пути внедрения новых способов производства, технологий и т. п. Архаизм в политике грозит утверждением диктаторских режимов.

Будем надеяться на прочность демократических ресурсов Индии, заложенных еще до прихода англичан древнеиндийской традицией самоуправления (*панчаяты*). Все что я говорила об архаизации, касалось Востока. В России многое происходит иначе. Об этом расскажет А.Г. Глинчикова.

А.Г. Глинчикова. Хотя мы с Мариэттой Тиграновной работали в одном институте, но встретились по-настоящему только на защите моей докторской диссертации, она была членом Ученого Совета. И хотя она занимается Востоком, а моя диссертация была посвящена России, именно Мариэтта Тиграновна сразу меня поняла и поддержала. Почему? А потому что и для нашей, и для восточной культуры характерны черты, связанные с частичным, незавершенным типом модернизации социально-политических систем. И сегодняшний интерес к традиции, настойчивое политическое акцентирование традиции во многом являются проявлением этого. И не только в Иране, Индии или странах Востока, но и в России можно встретить ссылки на то, что после эпохи «либерализма» мы вступаем в эпоху «просвещенного консерватизма» и в политику, образование и социальную жизнь активно возвращается религиозный компонент. На Западе после периода увлечения «глобализацией» вновь на повестку дня возвращаются идеи национализма, непростые времена переживает Европейский Союз: выход Великобритании, рост политического веса националистических партий в Западной и особенно в Восточной Европе. В связи с этим возникает три важных вопроса:

1. Что стоит за этой тенденцией «политической архаизации» – возвращение к прошлому, к «корням»?
2. К чему ведет эта тенденция, каковы альтернативы возможного развития событий?

Наш знаменитый российский вопрос – что делать в этих условиях, как относиться к этой тенденции?

Для ответа на эти вопросы мне необходимо сказать о том, как и почему я обратилась «к корням» в своих исследованиях. В 2009 г. вышла моя книга «Раскол или срыв “русской Реформации”?», которую я начала писать в разгар «либеральных реформ» 1990-х, когда все уважающие себя люди, в том числе изначально и я, специализировались на постиндустриальных концепциях, в крайнем случае на концепциях постмодерна. И вдруг, казалось бы ни с того ни с сего, я обратилась к XVII в. и стала сопоставлять русский и религиозный Раскол и социально-политические процессы, связанные с развитием европейской Реформации. Причина этого была очень проста и напрямую связана с современностью: неудача реформ 1990-х гг. показала, что введение западных политических и экономических институтов частной собственности и демократии еще не означает, что общество будет жить по-новому, будет активно и по назначению использовать эти институты. Пока этих институтов не было, казалось, что дело в них. Но, когда их ввели и общество не смогло их эффективно использовать или использовало их как-то по-своему, не совсем по назначению, и стало очевидно, что, несмотря на введение современной

институциональной системы, сохраняется все та же патерналистская модель отношений общества и власти, стало понятно, что помимо институционального есть еще один более глубинный уровень, влияющий на характер политической системы. Это был уровень политической культуры, которая имеет более глубокие исторические корни и которую гораздо труднее модернизировать, чем систему институтов. Тогда, опираясь на веберовскую модель, согласно которой существовала связь между Реформацией и формированием новой активной экономической и политической культуры буржуазного (читай – современного) общества на Западе, я попыталась проверить, а что же у нас происходило с типом религиозности и как это происходящее повлияло на эволюцию нашей национальной политической культуры. Так в поисках ответа, как нам двигаться к будущему, я вышла на тему прошлого – к XVII веку.

Мариэтта Тиграновна в своем выступлении поставила вопрос: почему люди интересуются традицией сегодня? Они интересуются прошлым, потому что они захотели в музей, потому что их вдруг заинтересовали какие-то истлевшие мумии прошлого или им просто надо отступить в прошлое, чтобы уточнить дорогу в будущее, чтобы увидеть из этого прошлого какую-то новую перспективу, которую иначе, не отступив, увидеть невозможно? Я сформулировала эту мысль в своем письме издателям, которое они впоследствии расположили на обложке и которое я хочу сейчас процитировать: «В оформлении обложки нужно избежать пышных реалистических картин типа “Выезда боярыни Морозовой в цепях”. Это не историческая книга о Расколе. Это книга о тяжелейшей духовной и культурно-исторической травме, пережитой нами 350 лет назад. Из глубины нашего исторического подсознания она напоминает о себе тяжелейшими социальными невротами: “невроз деморализации”, “невроз всеобщего недоверия”, “невроз систематического насилия и самоистребления”. Однажды в середине XVII в. мы уже пытались построить гражданское государство. Победила империя. А сегодня, на руинах “могучей империи”, мы снова возвращаемся к той исторической задаче, которая так и не была решена тогда – задаче демократического национального гражданского самоопределения. И мы хотим понять, почему она не была решена тогда и может ли быть решена сегодня».

Сразу хочу сказать, что меня все-таки не поняли и эту книгу многие восприняли как историческую. Некоторые историки стали говорить, что, мол, там нет ничего нового, нет новых фактов, вновь открытых никому не известных рукописей. Но в этом и заключался смысл книги: я не открываю новые факты, я просто открываю новое социально-политическое значение давно известных фактов, которое понимали неправильно. Я показала, что русский религиозный Раскол был не проявлением обскурантизма и невежества, не призывом вернуться в прошлое, не противостоянием модернизации. Русский религиозный Раскол был попыткой индивидуализации веры, и если в чем-то он похож на европейскую Реформацию, то именно в этом стремлении перейти от веры как внешнего морального регулятора к вере как совокупности внутренних стимулов для моральной жизни – всему тому, что ложится в основу современной политической культуры. И не случайно именно старообрядцы стали основой русского промышленного класса последующих трех столетий. Вот почему сейчас, когда возникает потребность не просто трансформировать институты, а изменить тип политической и экономической активности самого общества, его отношения к власти, форму легитимации власти, осуществить переход от патерналистского к гражданскому типу политической культуры, превратить общество из подчиняющегося и опекаемого в обще-

ство, способное формировать и отстаивать свои политические институты, защищать свои национальные интересы – не отстаивать их в виде «бунта бессмысленного и беспощадного», а осуществлять конструктивную политическую деятельность – для всего этого нам необходимо найти опору в рамках своей культурной традиции. Поэтому для меня было так важно показать, что нам не нужно отказываться от своих культурных и религиозных традиций, а, напротив, опереться на них в формировании новой политической культуры.

У нас есть собственное понимание индивидуализма. Индивидуализм во все не является единственно западным проектом. Индивидуализм как ценность характерен и для нашей культуры, просто он немного другой, пусть даже существенно другой. И тем не менее, опираясь на этот тип индивидуализации, старообрядцы сформировали свой тип промышленной культуры и очень успешно развивались. Наконец, в третьей книге «Россия и Европа – два пути к Современности» я показала, что, к сожалению, срыв индивидуализации веры в ходе русского Раскола привел к очень тяжелым последствиям. Вместо того, чтобы сформировать современное государство с гражданским типом общности, мы сформировали сращенную империю, в которой большая часть общества фактически выполняла функции колониального социума, в то время как только небольшая часть правящей элиты была приобщена к современным культурным и экономическим процессам. И тяжелейшая революция 1917 г. и события, последовавшие после нее, были не чем иным, как попыткой преодоления этой частичной модернизации российской социально-политической системы. Это нас в чем-то роднит и с Ираном, и с Индией, и со всеми теми странами, которые в силу колониального типа развития пропустили процесс модернизации своей политической культуры, трансформации своей религиозности. И сейчас, возрождая свою традицию, пытаются двигаться дальше и активизировать общество для решения задач национального самоопределения. Но кое-кто, наоборот, стремится использовать эту архаическую отсталость для легитимации устаревших форм власти, при которых обществу отводится роль объекта политических и экономических манипуляций со стороны власти.

Мой вывод заключается в следующем: от осознания необходимости вернуться к традициям есть два пути. Первый путь – опираясь на традицию, дальше развивать политическую культуру в направлении ее модернизации. Второй путь – использовать традиционализм общества для консервации архаической, патерналистской социально-политической модели. На мой взгляд, это путь тупиковый.

М.Т. Степаняц. Мне кажется, что различия между тем, что произошло в Иране и Индии, с процессами архаизации в России немалые. В Иране это главным образом реакция **изнутри**, ностальгия по вытесняемой в прошлое традиционной культуре и стремление ее отстоять. В Индии архаизация внедряется **сверху**, самой правящей политической силой. Может быть, это звучит социологически вульгарно, но в Индии архаизация, по существу, выражает стремление элиты отстоять **собственные** интересы, не допустить выравнивания в правах по принадлежности к кастовой системе и по религиозным верованиям.

А.Г. Глинчикова. Не могу считать себя специалистом, отмечу лишь, что, по-видимому, есть и другой момент. Один из моих индийских коллег сказал, что сейчас наблюдается возрождение интереса к кастовому принципу в обществе как к особому способу использования социального капитала у индийцев, оказывающихся в чужой стране в условиях глобализации. Это феномен

приспособления архаического элемента к новым условиям. Другой мой коллега из Индии говорил о важности для них темы различных форм индивидуализации. И даже предлагал написать совместное исследование на тему «Толстой и Ганди – два варианта не-западного типа индивидуализации». В этом смысле, возможно, мы можем говорить и об интересе к традиции, идущем «снизу», со стороны самого общества.

М.Т. Степаняц. Вы правы, в каком-то смысле это движение вызвано и изнутри. Даже просвещенные индийцы испытывали затруднение в восприятии проводимой со времени обретения Индией независимости, т. е. с 1947 г., политики Индийского национального Конгресса или того, что они называют политикой Махатмы Ганди, Джавахарлала Неру и его «династии» (дочери Индиры и его внуков), в отношении кастовости. Впервые я осознала это во время проведения в 1995 г. VII Конференции философов Востока и Запада в Гонолулу.

Традиционно (с 30-х гг.) проводимая на Гавайских островах компаративистская конференция в этот раз проходила после начала перестройки, побудившей организаторов полагать, что происходящее в СССР знаменует собой победу идеи справедливости и демократии в том смысле, в котором они понимаются на Западе и прежде всего в США. Впервые в качестве Директора (Президента) Конференции был приглашен не американец, а человек из «другого мира», каковым оказалась я, человек из страны, где, наконец, победила идея демократии. По замыслу организаторов, Конференция должна была продемонстрировать единодушие мировой философской общественности в том, что справедливость достигаема лишь при условии демократии. Однако представители незападных стран заявили, что справедливость они понимают не так, как ее толкуют на Западе. Философы Индии, Китая, Кореи, представители мусульманского мира обращали внимание на то, что для них справедливость – это не столько равенство перед законом, сколько должное (а потому справедливое) воздание за исполнение долга. Так, например, профессор Дайя Кришнан, индийский философ с мировым именем, в своем докладе «Демократия и справедливость: философские размышления с западной точки зрения» отмечал, что индийская традиция (речь идет об индуизме) требует сочетания равенства не только с сохранением различий, но и с признанием ценности последних. По его мнению, в Индии полемика вокруг вопроса о том, следует ли сохранять или же отрицать принципиальные различия, ведется преимущественно в контексте отношения людей к трансцендентному (Брахман), которое рассматривается одновременно как равное и неравное. Все индусы равны в своей удаленности от трансцендентного, но они не равны в том смысле, что не все осознают эту удаленность (внекастовые индусы, например *далиты*, неприкасаемые) или же осознают ее в разной мере. Имеется в виду, что степень осознания неодинакова у высших и низших каст, наибольшая степень осознания у брахманов. Д. Кришна высказал мнение об ошибочности убеждения в том, что равенство достигается сведением к минимуму неравенства людей: это не что иное, как попытка насильственного уравнивания неравных.

Кастовая система не отменена по закону, отказ от нее означал бы отказ от признания сакральности Вед, представляющих собой фундаментальное основание индуистской культуры. Правда, Конституция Республики Индии, а затем закон 1955 г. запретили кастовую **дискриминацию**, приравняв ее к уголовному преступлению, предусмотрели резервирование мест в Парламенте пропорционально численности представителей низших каст и квоты

для получения образования, а также поступления на государственную службу. Однако кастовая дискриминация не искоренена, а на сегодняшний день она даже усиливается. Примечательно, как роль кастовой системы в истории Индии оценивается даже наиболее просвещенными индийцами. Например, Сарвепалли Радхакришнан (05.09.1888 – 17.04.1975) – бывший Президент страны, известный философ (вы, возможно, читали его 2-томную «Индийскую философию», неоднократно издававшуюся на русском языке) – писал, что кастовая система была «спасением для страны, каковыми бы ни были ее нынешние тенденции. Единственным средством сохранить культуру расы, которой грозила серьезная опасность раствориться в суевериях массы туземного населения, было закрепление словно железным обручем существующих культурных и расовых особенностей». Поясню, что здесь имеется в виду. Речь идет о «сохранении» культуры арийцев, которые пришли на территорию Индостана ок. 2-й половины 2-го тысячелетия до н. э. До прихода ариев здесь была возникшая 51 в. назад дравидийская цивилизация на Юге и созданная 3–2 тыс. до н. э. предками дравидийцев цивилизация Хараппы и Мохенджо-даро на Севере. Кастовая скрепа позволила сохранить индийскую цивилизацию после нашествия тимуридов и создания на территории Индии Империи Великих Моголов, которая просуществовала с начала XVI в. до прихода Британских колонизаторов в середине XVIII в.

Ю.В. Синеокая. Мне бы хотелось обсудить нынешние отечественные политические реалии. Россия – многоконфессиональное, полинациональное государство. Когда речь заходит о возвращении к истокам, возникает вопрос: к каким истокам следует возвращаться? В нашей стране многочисленные общины православных и мусульман, внушительное число представителей других религий. Как тут быть? Не приведет ли, в нашем случае, призыв вернуться к корням, скорее к расколу, чем консолидации, укреплению и развитию российского государства?

М.Т. Степаняц. Пусть сначала на это вопрос ответит Алла Григорьевна, поскольку она – специалист по России.

А.Г. Глинчикова. Я обязательно отвечу на вопрос, который задала Юлия Вадимовна. Он очень важен. Прежде толькоотреагирую очень кратко на то, о чем говорила Маризтта Тиграновна. Приведу два ярких примера. Первый связан с моим участием в международной конференции по проблемам глобализации в Англии. Это была поистине международная и даже межконфессиональная конференция, собралось много людей со всего мира. Одним из ключевых спикеров был известный специалист по демократии Дэвид Хелд. И вот на пленарном заседании Дэвид Хелд высказал идею о том, что наступающий XXI в., по его мнению, будет веком Европы, которая в очередной раз задаст магистральную модель будущего развития. В ответ поднялась робкая рука африканского коллеги, который спросил, когда же, наконец, наступит «век Африки»? Я тоже задала вопрос – как он относится к известному высказыванию Спинозы относительно того, чем умный человек отличается от дурака, на который Спиноза ответил нечто вроде того, что умный – это человек, способный двигаться по контуру внешней вещи, в то время как дурак каждой вещи придает свой собственный контур? Раздался хохот, и стало очевидно, что большинство зала вовсе не разделяет идею универсальности западной модели модернизации. И я тоже достаточно долгое время пребывала в уверенности в том, что должны расцветать все цветы, все культуры хороши по-своему и нет универсальной линейки, по которой можно сопоставлять степень их «современности» или «архаичности». Я думала так до

тех пор, пока не оказалась в Индии, в Бомбее на Всемирном Социальном Форуме. С этим связан мой второй пример, который приоткрыл мне «другую сторону медали». Однажды вечером, выйдя из отеля, я увидела в темноте какое-то копошение на улице, среди кошек, собак, бегающих крыс... Когда я приблизилась, то с изумлением обнаружила, что это, вообще говоря, люди! Всякое желание прогуливаться и дышать воздухом сразу пропало, я уже собиралась повернуть обратно в отель, как вдруг из тумана прямо передо мной появилась фигура европейца. Увидев его умиротворенное лицо, я спросила, что он делал на улице. Он ответил, что он австриец, давно живет в Индии и вышел совершить свой обычный вечерний моцион, поскольку днем в Бомбее слишком жарко. И мне вдруг пришла в голову мысль, что этот европейский человек в своем сознании уже принял кастовую систему. Он отказался от глубинного основного принципа европейского проекта Просвещения – категорического императива! Он принял модель, по которой граница между людьми и не людьми проходит внутри рода человеческого. И, кстати, совсем недавно это было вполне применимо к нашим крепостным предкам, которых можно было покупать, продавать «на вывод», и это всерьез рассматривалось как наша культурная специфика! Даже сейчас иногда можно услышать, что ужасы крепостного права сильно преувеличены, а на самом деле это чуть ли не наша добрая национальная традиция, мол, крестьяне любили своих хозяев, а дворяне заботились о крестьянах. Вот такие вещи просачиваются постепенно в наше европейское сознание под видом «возвращения к корням». Так вот, «корни» бывают разные, и надо уметь среди них различать то, что необходимо преодолевать, и то, на что необходимо опираться для дальнейшего развития. Можно признавать ценность особенностей тех или иных культур, но есть вещи, которые вырвавшиеся вперед цивилизации действительно открыли для всех. И Шекспир, и Гегель, и Толстой в материале и пространстве своей культуры открыли какие-то важные вещи для всех народов, для всего человечества. Кстати, когда я высказала эту мысль на форуме в Бомбее, меня поддержали и сами индийцы.

М.Т. Степанянц. Трудно оценить поведение иностранца – белого человека, о котором Вы говорили, иначе, чем как проявление обыкновенного расизма. Таковой был характерен для подавляющего большинства миссионеров. Прочтите, что писали о колониальных народах английские, французские миссионеры, и вы убедитесь в этом. Ни один индус не будет говорить о людях низких каст как о животных. Потому что индусы к животным относятся иначе, чем «цивилизованные» европейцы. Их отношение к природе, и животному миру в частности, определяется одной из важнейших культурных универсалий индийской цивилизации – верой в трансмиграцию души, т. е. в *сансару*. Гегель высокомерно рассуждал о том, что в Индии «нет места человеку, поскольку тот рассматривается не иначе как «временная манифестация Одного», т. е. Брахмана-Абсолюта. Ему, как и другим европейцам, воспитанным в духе Просвещения, претило то, что в Индии человек не выделен из природы. Но сегодня именно эта слитность, гармония человека с природой, столь характерная для культур Индии, Китая, Японии и др., оценивается как бесценный дар, который необходимо не только сохранить, но и передать тем, кто проявляет подлинную заинтересованность в спасении современной цивилизации от экологических угроз.

А.Г. Глинчикова. Теперьотреагирую на вопрос, который поставила Юлия Вадимовна: что делать, когда религиозные моменты становятся существенными в условиях нашей страны и всего глобального сообщества?

Важно понимать, что секуляризация создала определенное общее пространство для бывших мусульман, бывших православных, для всех, чтобы можно было выйти на какую-то площадку и договариваться с тем, чтобы культурное религиозное различие не перерастало в политический конфликт. И не случайно именно на базе секулярного сознания стал возможен интернационализм. Поэтому, разумеется, абсолютный отказ от секуляризации и возвращение к таким фундаменталистским «корням» опасно и чревато не только конфликтом, идущим изнутри, из самих религиозных различий, но и создает благоприятную почву для политического манипулирования религиозно настроенными людьми с целью разжигания политических конфликтов. Поэтому я бы поставила вопрос следующим образом: *неизбежно ли возвращение к корням влечет за собой политические конфликты или возможен такой вариант «возвращения к корням», который, напротив, позволит выйти на какой-то новый уровень межрелигиозного, межкультурного диалога?* Моя позиция такова, что это возможно, и я скажу, почему и при каких условиях это возможно.

Я думаю, и мои исследования это подтверждают, что диалог нужно вести не между исламом вообще и христианством вообще, не между буддизмом вообще и конфуцианством вообще. Внутри всех этих религиозно-цивилизационных форм существуют тенденции, которые направлены на развитие, эволюцию, диалог. И есть другие тенденции, направленные на консервацию, на монолог, на силовое навязывание своей позиции и конфронтацию. Очень важно внутри каждой цивилизационной парадигмы выделять те тенденции и силы, которые направлены на развитие и готовы к диалогу, и начинать с ними разговор. Необходимо искать площадку для этого диалога. Какую форму это будет приобретать, покажет время. Мой опыт пока свидетельствует, что это возможно. У меня есть коллеги в мусульманских университетах, в католических университетах, которые прекрасно знают, кто такой Иммануил Кант, Карл Маркс, Макс Вебер, и одновременно глубоко знакомы со своей религиозно-культурной традицией и интересуются иными религиозно-культурными традициями, относясь к ним с уважением. С ними можно и нужно вести диалог. И в этом смысле этап секуляризации и секулярных знаний тоже создает определенные предпосылки и инструменты для подобного религиозно-ценностного диалога. Нам сейчас необходимо развивать такую «транскультурную экзегетику» с тем, чтобы уметь понимать другого в том виде и в той цивилизационной форме, в которой он выражает какие-то всеобщие для нас, людей, максимы.

Вопрос из зала (Андрей Родин). Мариэтта Тиграновна, в начале, когда Вы рассказывали об Иранской революции, Вы сказали, что люди выступали против глобализации. Я хотел бы уточнить – против глобализации или против Америки?

М.Т. Степанянц. Против Америки как воплощения глобализации, ее главной силы... Азиатам (например, Махатме Ганди, Рабиндранату Тагору, Джавахарлалу Неру) более всего претит радикализм светского характера. И они, по моему мнению, совершенно правы. Любая вера – дело личного выбора. Поэтому не надо ничего навязывать сверху: ни атеизм, ни религиозность. Во всех религиях есть нормативная религиозность и индивидуализированная, наиболее полно проявляемая у мистиков, которые полагают, что каждый должен искать бога не в мечети, церкви, храме, а в своем сердце. В 1996 г. я выступала на международной конференции в Белграде с докладом на тему «Межрелигиозный диалог против межрелигиозной враждебности».

В нем я высказала мнение о том, что диалог наиболее перспективен на базе мистицизма, присущего всем вероучениям. В Болгарии моя позиция не была понята, хотя позже, в 2005 г., на Первом Пекинском форуме ее поддержали.

Вопрос из зала (Андрей Родин). А может ли быть так, что большая часть проблемы – в отождествлении глобального и западного? Мне кажется, что в России, Иране и Индии люди называют глобальное американским или западным.

М.Т. Степаняни. В наше время глобализация с претензией на глобальное господство отождествляется с политикой и пропагандой, проводимыми США. В недалеком прошлом глобализация проявлялась в колониализме. На Западе правящие элиты не готовы понимать глобализацию как культурное равенство в многообразии. Недавно я прочла статью «Перспективы глобализации и демократии» Роберта Скидельски, члена палаты лордов парламента Великобритании, почетного профессора Университета Уорвик. Лорд-профессор признается, что всего двадцать пять лет назад он был в числе тех, кто разделял взгляды Ф. Фукуямы о «конце истории» и движении к единой цивилизации. Р. Скидельски осознал ошибочность прежних своих взглядов. Сегодня, признает он, любому мыслящему человеку трудно поверить в прогнозы глобалистов. Правда состоит в том, глобализация пошла на попятную, наблюдается кризис и крушение западной цивилизации. В этой ситуации мы, пишет он, пытаемся обнаружить альтернативные модели. Одно из препятствий на этом пути – убежденность Запада в том, что западные ценности должны доминировать и что Запад не будет в безопасности, пока остальной мир не воспримет эти ценности. Это фактически западная идея о том, что мы здесь, на Западе, знаем, как развиваться, а вы только следуете за нами и должны нас догнать. Если вы этого не делаете – вы поступаете неверно. «Не существует единого пути, и история – это не линейный процесс, не вектор, ведущий к некой всеобщей истине. Скорее, это несколько путей, которые дают шанс для межкультурного общения, экономического взаимодействия и мирного развития»³.

Комментарий из зала. У нас есть единая финансовая система, и когда в Иране выключили SWIFT, там начался голод. Они разрушили экономику. Я не буду спорить про Иран, но с теоретической точки зрения мне думается, есть большая ошибка в том, что вещи, которые являются универсальными, такие как ценности Просвещения, равенство, кем-то не принимаются.

М.Т. Степаняни. Я ставила вопрос о взаимосвязи общечеловеческих и национальных ценностей, но не могу сказать, что решила его. Хотя статья на эту тему получила поддержку читателей. Я имею в виду опубликованную в 2008 г. в журнале «Диоген» (на английском, французском и китайском языках) статью под названием «Культурные универсалии versus всеобщие ценности?» (Cultural Essentials versus Universal Values?).

А.Г. Глинчикова. Разделять «глобальное» и «национальное», конечно, необходимо. И я совершенно согласна с тем, что часто общечеловеческие тенденции выдаются за западные, а западные – за общечеловеческие. Но различать их достаточно сложно, поскольку все общечеловеческие тенденции не существуют в чистом виде, они всегда выражены в том или ином конкретном цивилизационном материале и, как правило, отлиты в формы той цивилизации, которая по тем или иным причинам вырывается вперед в экономическом и социокультурном плане. Поэтому отождествление «глобального» с «западным», хотя и неправомерно, но отнюдь не случайно. Однако «разделе-

³ Скидельски. Р. Перспективы глобализации и демократии // Россия в глобальной политике. 7 июня 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Perspektivy-globalizacii-i-demokratii-18201> (дата обращения: 05.12.2016).

ние» глобального и национального представляет серьезную научную проблему, это совсем не просто. Причем и сам Запад страдает сегодня от этой «неразделенности». Возвращение к традиционным ценностям на самом Западе свидетельствует о том, что он тоже переживает тяжелейший кризис своего мировоззрения, связанный с глобализацией. Он вдруг, наконец, понял, что не универсален, и перед угрозой утраты своей идентичности начал закрываться, выстраивать интеллектуальные, духовные и даже политические стены между собой и остальным миром.

М.Т. Степаняц. Иранцы пошли на большие жертвы, но они и многого достигли. Революция не смогла разрушить культуру. Это великая традиция, истоки которой уходят вглубь веков, далеко прежде прихода в Персию мусульманской цивилизации.

Вопрос из зала. Когда вы говорите о возвращении к корням в России – что надо иметь в виду: возвращение к царскому самодержавию или возвращение к СССР? Но ведь СССР был попыткой отойти от кастовости, от кастовой культуры для избранных, а сейчас идет архаизация, возвращение к кастовой культуре.

А.Г. Глинчикова. Большое спасибо за вопрос. Еще раз хочу подчеркнуть, что, с моей точки зрения, существует две причины «возвращения к корням». Первая – сверху, от элиты. В основе этой тенденции лежит стремление чем-то заменить коммунистическую идеологию, причем в ее наиболее патерналистском варианте. Раньше у нас была партия – ум, честь и совесть – тот инструмент, который элита использовала для интеграции и консолидации общества и легитимации своей патерналистской власти. Сейчас это невозможно, поскольку произошел кризис этой модели и этой идеи. И возник вопрос – чем заменить коммунистическую идеологию, что еще положить в основу национальной идентичности и кто должен стать субъектом формирования этой идентичности? Часть элиты хотела бы опереться на православие в качестве базовой идеологии, так же, как это делали Романовы. Поэтому при всем различии между сталинским коммунизмом и романовским самодержавием, православием, народностью, у них есть нечто общее – стремление обосновать с помощью идеологии свое право бесконтрольно распоряжаться обществом в своих интересах. И здесь большой разницы нет.

Но есть другая альтернатива – когда субъектом консолидации и интеграции является общество. Для того чтобы стать этим политическим субъектом, обществу очень важно вернуть себе уважение к различию между добром и злом, вернуть себе нравственные ценности, которые неразрывно связаны с его культурой и которые бы позволили ему восстановить внутреннее доверие людей друг к другу и уважение. Ведь общество становится по-настоящему гражданским, когда не кто-то извне его сгоняет в одно целое, а когда это целое вырастает изнутри общества как продукт согласия людей по поводу важных для них общих ценностей и защиты общих интересов. Не только в западной, в любой культуре существуют ценности личности, которые позволяют людям уважать свои и чужие интересы и ограничивать свой эгоизм, если он становится разрушителен для существования общественного целого, т. е. та система ценностей, которая лежит в основе гражданских форм консолидации. Я обнаружила, что нам совсем не нужно отказываться от своей культуры, чтобы сформировать современный гражданских социум, но нам нужно в своей культуре и своих традициях открыть заново, выделить именно те, которые этому способствуют, и отличить их от тех, которые этому препятствуют. Для этого пришлось отступить достаточно далеко в глубь нашей

культуры, в ее религиозный слой и там, на этом уровне проследить переплетение и зарождение конфликта двух противоположных нравственных тенденций, индивидуализирующей и деиндивидуализирующей, с тем, чтобы опереться на нашу религиозную индивидуализирующую тенденцию. В 19 в. конфликт этих двух тенденций меняет форму с религиозной на светскую. Важнейшие индивидуализирующие компоненты нашей религиозности проявились и стали нам доступны в русской литературе 19 в. Вот я, например, унаследовала и вышла на религиозную проблематику не через воцерковленность, а через Ф.М. Достоевского, через А.С. Пушкина, через отлученного от церкви Л.Н. Толстого.

Вопрос из зала. Мой вопрос по поводу теории модернизации. Для вас очевидно, что такое архаизация, а для меня нет. То, что происходит в Индии – типичная модернизация: золото отнять, касты вернуть, сделать Индию жизнеспособной, конкурентоспособной. По поводу доклада Аллы Григорьевны: модернизация – это движение от коллективизма к индивидуализму, а архаизация – это к коллективизму и патернализму? Всегда ли мы должны читать Вебера и видеть дух капитализма? Для меня это спорно. Может, этот «дух» сконструировал Макс Вебер вместе с «этикой протестантизма»? Я вижу признаки архаизации в той же самой Реформации. Кальвин – море крови. Индия эту кровь не вылила в таких количествах, а вот Европа – вылила. Я вижу признаки архаизации в разрушении американского образования в середине 20 в. Я вижу признаки архаизации в том, что происходит в высшем образовании в России. Ведь «теории модернизации» разрабатывали для Африки. Каковы же, на ваш взгляд, критерии архаизации и модернизации?

М.Т. Степанянц. Я не случайно с самого начала говорила о том, что архаизация – не новое явление. В частности, я имела в виду Реформацию, когда обращение к истокам, высокая степень архаичности были направлены на реформирование христианского мира во имя его продвижения вперед. В 60–70 гг. я занималась исследованием, посвященным философской и общественной мысли в странах мусульманского мира. В своей кандидатской, а затем докторской диссертации, основное содержание которых было издано на русском, английском и арабских языках, я особое внимание уделяла реформаторским тенденциям в исламе. Честно говоря, я даже переоценила их потенции к успеху. Я питала иллюзии, что Восток пойдет по пути христианской реформации. Но буквальное повторение христианской модели реформирования на Востоке не удалось. Только Япония смогла преуспеть в этом, о чем очень содержательно писала присутствующая в зале Л.Б. Карелова в двух своих книгах.

Но напомним еще раз, что обращение к архаике – далеко не всегда мнимый возврат к прошлому во имя прорыва в будущее. Архаизация двулика. В Индии проводимая сверху архаизация хотя и преследует задачи экономического рывка, однако этот «рывок» в решении экономических проблем совершается за счет малоимущих. Страшно также то, что архаизация может привести к жестокой революции, как это случилось в Иране. Поэтому к ней надо относиться с осторожностью. Все знают, что традиции бывают разными. Есть традиции обогащающие, обращение к которым способствует обновлению. Но есть и традиции устаревшие. Например, в Индии таковым является *сапти* – самосожжение вдов во время обряда кремации мужа. А сейчас наблюдается (хотя и редкое) его возрождение. То же происходит и с запрещенным приношением в жертву людей во имя обретения поддержки богов или богинь при поиске клада, при рытье колодцев, строительстве и т. п.

Вопрос из зала. Не кажется ли вам, что это не архаизация, а просто работа культурного архетипа, который при определенных условиях начинает функционировать?

М.Т. Степаняц. Вы правы, в перечисленных выше случаях проявляется влияние архетипов как отпечатков, постоянно повторяющихся типичных опытов, склоняющих нередко к их эмпирическому повторению.

А.Г. Глинчикова. Когда мы готовили эту встречу, мы просто искали слово, обозначающее стремление использовать прошлое для легитимации новых тенденций. А традиция – это совокупность норм, сформированных обществом в ходе своей истории, которые обеспечивают воспроизводство этого общества, его выживание из поколения в поколение, сохранение моральных и нравственных устоев этого общества.

По поводу индивидуализма и коллективизма. Вы спросили: коллективизм – это архаизация, индивидуализм – это модернизация? В двух словах тут не ответишь. Дело не в коллективизме и индивидуализме. Дело в ценности личности. Индивидуализация как реабилитация ценности каждой человеческой личности, понимание общества как совокупности уникальных личностей, которые по праву являются целью для самих себя и друг для друга, а не средством для чего-то еще. С зарождения этого отношения к человеку и начинается собственно Современность, эпоха Модерна, модернизация. Ведь и в Европе, а не только в Африке или России, были времена, когда личность не воспринималась как цель, как ценность. Это возникло в эпоху Возрождения, и потом чуть позже в эпоху Просвещения западные общества стали приводить политическую и социальную системы в соответствие с этим новым типом индивидуализации, с этим новым типом отношения человека к самому себе и миру, чтобы новому типу личности было более комфортно экономически, политически и социально. Ведь до этого доминирующим были другой, средневековый тип личности, которая вообще не рассматривала себя как самостоятельную ценность. Поэтому важнейшим этапом модернизации не только для России, но и для Запада был переход от традиционного средневекового патерналистского типа личности к современному индивидуализированному. Об этом много писали – и Гуревич, и Хабермас, и Дюмон, другие авторы. Переход к пониманию личности как цели, как высшей ценности для себя и для другого – это несомненная модернизация. Но это совершенно не противоречит принципам коллективизма. Вопрос стоит иначе – коллективизм как и к х личностей? Идет ли речь о коллективе личностей, которые уважают себя, свои интересы и права, обязанности друг друга, или о коллективе личностей, полагающих, что «лес рубят – щепки летят», как говорила моя бабушка, которой хотя и не нравился сталинизм, но в интересах сохранения справедливого социального строя «лучше уж посадить десять невиновных, чем упустить одного врага». Вот в этой ментальности, питавшей почву для легитимации сталинской власти, и проявляются следы традиционалистского неиндивидуализированного типа личности.

Вопрос из зала. Кто говорит, что в советское время все было благополучно, – либо кривит душой, либо не понимает, что он говорит. Другой пример – Китай: то же поругание Конфуция, гонения на даосов, и тоже зашли в тупик. И только в 1978 г. при Ден Сяопине они вернулись к конфуцианским традициям, и это дало импульс китайским реформам. Мы в этом отношении от них отстали – и где мы сейчас? Мой вопрос к Мариэтте Тиграновне. Вы сказали, что в Индии были найдены основы для модернизации. Какие это основы, какие традиции?

М.Т. Степаняни. Вы задали очень важный вопрос, который сегодня часто ставится самими азиатами и исследователями-востоковедами. Вопрос в конечном счете сводится к следующему: «Возможна ли модернизация без вестернизации?». Я попробовала ответить на него, пытаясь найти социально-культурные основания модернизации Индии, и перечислила в статье ряд существующих в индийской культуре концептов, которые могут благоприятствовать модернизации, точнее, развитию⁴. Так, например, вторым после варновой, кастовой системы «столпом» индийского социума, веками обеспечивавшим его устойчивость и стабильность, является *ашрама*, в соответствии с которой выстроена «возрастная» вертикаль. Речь идет о четырех ашрамах. Система «*ашрама*» обеспечивает не только стабильность, она вполне способна содействовать «мобилизации» к активной, инициативной деятельности человека. Все зависит от того, на какие составные части указанной системы делается акцент. В условиях, выдвигаемых ускоренной модернизацией, более всего задействован принцип *артха*, причисляемый к «четырем человеческим целям», особо значимый во второй период жизни – *ашрамы* домохозяина.

Артха (*artha* – суть, польза) – принцип, предусматривающий разумное практическое поведение в конкретных житейских условиях. Такое поведение особенно необходимо для «домохозяина», долг которого приобретать и надлежащим образом использовать материальные блага. *Артхе* как цели человеческого существования посвящен знаменитый трактат «Артхашастра». Хотя в «Артхашастре» *артха* мыслится прежде всего как объект устремлений царя и соотносится с приобретением земель, население которых может быть обложено податями и повинностями, допускается и более широкая интерпретация этого принципа. *Артха* может пониматься вообще как одна из человеческих целей. Более того, иногда именно *артха* считается реализацией **всех целей** в целом. Явно под влиянием традиции «Артхашастры» знаменитый комментатор «Законов Ману» Медхатитхи предписывал царю в случае вынужденного выбора между следованием *дхарме* (религиозному долгу) и большими потерями для *артхи* отказаться от первого.

Вопрос из зала. Меня немного удивило, что вы в своих выступлениях не говорили о ситуации постмодерна, о влиянии глобализации, о диалоге культур. Вписывается ли архаика в эти процессы? Второй вопрос о роли Интернета. Сейчас растет совершенно новое «поколение социальных сетей», может ли это поколение «возвращаться к корням» и впитывать в себя архаику? Действительно ли оно готово социализироваться в тех старых традициях православия?

М.Т. Степаняни. Если я правильно поняла Вас, Вы спрашиваете, насколько в Индии используют «продукты» современной западной культуры, вроде Инстаграм? В Индии такого рода заимствование имеет место и называется «глокализацией». Примеров немало. Нередко символы западной культуры претерпевают трансформацию таким образом, чтобы войти в контекст местных культур, стать значимыми и узнаваемыми индийской многонациональной, этнически разнообразной общественностью. Показательным примером глокализации в Индии является отношение к культурным героям современной детской и подростковой среды. После того как американские комиксы было разрешено издавать в Индии, в характеры и действия главных героев были внесены существенные поправки для того, чтобы не задеть религиозные чувства индийской аудитории. Питер Паркер из Нью-Йорка стал

⁴ Степаняни М.Т. Социально-культурные основания модернизации Индии // Полис. 2012. № 1. С. 26–42.

Павитром Прабхакаром из Бомбея. Радикально поменялась и концепция обретения Павитром сверхъестественных сил: если в американской версии эти способности усиливаются радиоактивным излучением, то в Индии герой получает силу от йога, совершающего над Павитром соответствующий обряд, а главным злодеем является демон из индуистского пантеона. Кроме того, индийские мультипликаторы создают индийские персонажи детских мультфильмов: Кришна-ребенок, Хануман в детстве и т. д.

Думаю, однако, что глокализация, по крайней мере, в том виде, как она проявляется в Индии и других странах незападного мира, это скорее «косметические» приемы, прикрывающие происходящее. Здесь не задействованы собственные культурные потенции развития, обретения самобытного типа модернизации. У Индии имеется значительный потенциал для альтернативной глобализации, свободной от культурного космополитизма.

А.Г. Глинчикова. По поводу постмодерна. К нам он пришел не так давно. Но на самом деле, это уже вчерашний день, и сегодня он сменяется тем направлением мыслей, о котором мы с вами рассуждаем сейчас. Почему? Есть три ответа на вопрос, к чему ведет архаизация, что за ней стоит и как относиться к традиции.

Первый вариант – использовать традицию как точку, от которой отталкиваешься и движешься вперед, как то, на что можно опереться для дальнейшего развития. Второй вариант – превратить традицию в музейный экспонат, вокруг которого ты ходишь, смахиваешь с него пыль. Это мумификация традиции и превращение ее в сакральный компонент социальной жизни. И третий вариант – он исторически предшествовал первым двум – это глубинное разочарование и отказ от основополагающей традиции западного общества, от рациональной модели Модерна, от всякой универсальности. То, о чем мы говорим сегодня – попытка преодоления этой ситуации. Теперь о современной молодежи и современном обществе. Когда я писала книгу о Расколе в 90-е годы, все говорили мне – да кому это может быть интересно? А сейчас, к моему ужасу, старообрядчество становится какой-то удивительной модой. Все кинулись отращивать бороды с 18 лет. Но это курьезные моменты. А есть и более существенные. Для поколения моей дочери, скажем, тема морали, причем никак не навязанной, – это уже вопрос номер один. Это уже не поколение пепси 90-х годов. Отказ от телевидения, акцент на воспитании детей. При этом речь не идет о возвращении к домострою. Они сохраняют все ценности, связанные с суверенитетом личностного начала, личностного выбора, личностного роста, и детей своих стремятся воспитывать прежде всего как личностей. Как это связано с темой старообрядчества? Ведь это был тоже очень трудный момент кризиса государственности в России в XVII веке, когда люди сами стали организовываться, формировать сообщества, эти сообщества создавали свои новые механизмы управления, новые формы предпринимательской деятельности с опорой на национальные традиции. И сейчас современная молодежь очень активно формирует новые механизмы взаимодействия, объединения по интересам для защиты своих жизненных целей, используя новые сетевые технологии. Разумеется, это не старообрядчество, но, как это ни странно, многие моменты этих форм активности повторяют важнейшие алгоритмы общественной самодетельности российского общества, проявлявшиеся еще в старообрядчестве. Вы можете даже ничего не знать о ценностях старообрядцев, но ведь многие их ценности впитаны нами даже не из религиозной, а уже вполне светской, художественной традиции русской литературы.

Вопрос из зала. Вы полагаете, что можно вернуться к той старообрядческой традиции?

А.Г. Глинчикова. К сожалению или к счастью, но вернуться к прошлому нельзя. Дело в том, что, когда я писала книгу о Расколе, я не была старообрядкой, я была просто ученым. И для того, чтобы понять, почему наше общество никак не может преодолеть эту патерналистскую модель политического поведения, почему оно все воспроизводит и воспроизводит ее в разных формах от Романовых и сталинизма к современности, мне пришлось пройти по исторической цепочке модернизации нашей российской жизни в поисках этой социальной травмы, обусловившей особенности нашего политического поведения на протяжении нескольких столетий. Но когда я эту книгу написала, на меня вышли старообрядцы, ныне живущие. И они, именно они, первыми протянули мне руку. Соприкоснувшись с этим миром благодаря своей книге, я увидела настоящих аскетических священников. Поначалу мне очень понравился этот мир, и я по-прежнему с большой симпатией и уважением отношусь к этим людям. Понимаете, в истории бывают моменты, когда многое возможно и из какого-то течения может развиться множество новых тенденций. Ведь и традиция жива лишь до тех пор, пока она рождает что-то новое. Я понимаю, что из этого выросло многое, в том числе и русская литература. Из Аввакума вырос и Пушкин, и Достоевский, и митрополит Корнилий. В этом смысле мы все в той или иной мере являемся наследниками русского старообрядчества. Поэтому не обязательно всем становиться старообрядцами. Но очень важно понимать, что ценность личности, индивидуализированной морали, религиозности – это ценности не только западные, что и у нас была эта традиция и нам есть на что опереться при формировании современной общественной среды.

Ю.В. Синеокая. Спасибо большое всем участникам за блестящую беседу!

Список литературы

Аятолла Хаменеи. Кто опирается на Запад, потеряли разум // Iran.ru. 6 июля 2016. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/101168/Ayatolla_Hamenei_kto_opiraetsya_na_Zapad_poteryali_razum (дата обращения: 05.12.2016).

Скидельски. Р. Перспективы глобализации и демократии // Россия в глобальной политике. 7 июня 2016. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Perspektivy-globalizatsii-i-demokratii-18201> (дата обращения: 05.12.2016).

Степанянц М.Т. Социально-культурные основания модернизации Индии // Полис. 2012. № 1. С. 26–42.

Gohwalkar M.S. We, or Our Nationhood Defined. Nagpur: Bharat Publications, 1939. 82 p.

Turn to archaism: is it a setback or a build-up for a new breakthrough?

Alla Glinchikova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. Moscow State Pedagogical University. 88, Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: alla.glinchikova@gmail.com

Julia Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Marietta Stepanyants

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: marietta_35@mail.ru

The turn to archaism in contemporary political development has been at the centre of recent debates in Dostoyevsky Library in Moscow, forming part of the *Rejoinders in a dialogue* series. It seems that the enthusiastic interest for the effects of globalization is being succeeded by the dominance of a new traditionalism. If in the past archaism in politics manifested itself mostly at local level, today it is becoming a universal phenomenon, which is due to both intrinsic and global factors, such as the crisis of the Western model of modernization. What drives this tendency and where is it leading? Does it unavoidably result in political conflicts or, on the contrary, could it help to open new forms of intercultural dialogue and understanding? Is it right to equate ‘Global’ and ‘Western’ in politics? What is common and what is specific in the process of restoring ‘traditional values’ in the West, in Russia, and in such countries as Iran and India? What are the main distinguishing indicators of modernism and archaism in politics? Participants in the discussion, while observing the parallels between the archaist trend in today’s Eastern countries and the Old Believers movement in 17th-20th century Russia, on the one hand, and between the European Reformation and the reformatory processes outside the borders of the Christian world, on the other hand, agreed that the question, how the new rise of traditionalism should be dealt with, can be answered in three possible ways. The first way is to treat tradition as a museum artifact, to use it for legitimization of obsolete political relations. The second, ‘post-modern’ approach implies a deep disappointment with tradition and total rejection of any connections with past. The third way, promoted by scholars participating in the present dialogue, is to make use of the tradition as a starting point for new modernizing efforts and the basis for promoting intercultural understanding.

Keywords: turn to archaism, globalization, modernization, values, institutions, religion, Old Believers, Reformation, nationalism, tradition

References

Ayatollah Khamenei. “Kto opiraetsya na Zapad, poteryali razum” [Those who rely on the West lose their mind], *Iran.ru*. 2016, July 6 [http://www.iran.ru/news/analytics/101168/Ayatolla_Hamenei_kto_opiraetsya_na_Zapad_poteryali_razum, accessed on 5.12.2016] (In Russian)

Golwalkar, M.S. *We, or Our Nationhood Defined*. Nagpur: Bharat Publications, 1939. 82 pp.

Skidelsky, R. “Perspektivy globalizatsii i demokratii” [Prospects for globalization and democracy], *Russia in Global Affairs*, 2016, 7 June [http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Perspektivy-globalizatsii-i-demokratii-18201, accessed on 5.12.2016] (In Russian)

Stepanyants, M. “Sotsial’no-kul’turnye osnovaniya modernizatsii Indii” [Sociocultural bases for the modernization of India], *Polis*, 2012, No. 1, pp. 26–42. (In Russian)